

Тао Хуайнань постоянно вспоминал о том, что рядом есть кто-то, и его слепые глаза время от времени бросали взгляды в ту сторону. Тао Сяодун постучал костяшками пальцев по его щеке, чтобы тот повернулся обратно.

Неприязнь к семье Чи передавалась из поколения в поколение. Обычно, если ребёнок такого возраста оказывался в подобной семье с таким отцом, взрослые в деревне, как бы они ни были холодны сердцем, всё же пытались бы как-то помочь. Но этот ребёнок никогда ни с кем не разговаривал, на вопросы отвечал скупой, не вызывал симпатии, да и к тому же все были раздражены его пьяницей-отцом, боясь связаться с неприятностями. Поэтому взрослые пару раз попытались помочь, а потом перестали, разве что когда он выбегал из дома голышом, позволяли ему зайти погреться и давали что-нибудь поесть.

Он был как грязная собака в деревне, питался объедками, носил старую одежду, прятался, но в итоге всё равно возвращался домой, где отец, напившись, снова его избивал.

Тао Сяодун тоже не думал вмешиваться, это не его дело. В этом мире, кроме дел своей семьи, всё остальное — чужие дела, а чужих дел слишком много, чтобы всем заниматься, да и времени на это нет. Он только сказал мальчику:

— В эти дни ты можешь оставаться здесь. Если твой отец дома, не возвращайся.

Глаза Тао Хуайнаня снова скользнули в ту сторону, в его пустом взгляде читалась детская осторожная любознательность.

Тао Сяодун разрешил ему остаться, и тот действительно пробыл здесь несколько дней. Вечером, когда становилось темно, он уходил домой, а утром, с рассветом, возвращался, приходил без единого звука, прятался в каком-нибудь углу, оставаясь незаметным, и никто на него не обращал внимания. Во время еды Тао Сяодун обычно накладывал ему немного еды в миску, и он уносил её в сторону, чтобы поесть.

Та комплект одежды, что дал ему Тао Хуайнань, он носил не снимая, пятно от молока на груди так и оставалось, рукава и передняя часть рубашки уже почернели от грязи, и он не менял их.

После первоначального страха перед неизвестным Тао Хуайнань постепенно привык к тому, что вокруг часто появляется это безмолвное существо. Тот мальчик всегда держался подальше, прислонившись к стене. Иногда, когда Тао Сяодун был занят на улице, Тао Хуайнань подходил к мальчику и садился рядом, хотя чувства принадлежности у него не было, это всё же было лучше, чем стоять одному в незнакомом месте.

Один настоящий слепой, один притворяющийся немой, молча составляли друг другу компанию.

Каждое утро Тао Хуайнань выпивал большую кружку молока, и к полудню ему приходилось несколько раз ходить в туалет. В этот день, когда прах родителей хоронили, Тао Хуайнаня рано утром отнесли на кладбище, гроб опустили в землю, и брат заставил его поклониться девять раз. Утро было слишком холодным, и после сложных церемоний Тао Сяодун больше не взял его с собой, а отправил обратно.

Тао Хуайнань сидел на кане в своём маленьком свитере, ёрзая, пересаживаясь с места на место, но брат так и не возвращался.

Мальчик-немой стоял напротив, прислонившись к стене, и смотрел на него.

Тао Хуайнань хмурился, время от времени поворачивая голову, прислушиваясь. Снаружи раздался звук железных ворот, он внимательно прислушался, но не услышал, чтобы кто-то заходил, и спросил:

— Это мой брат?

Его голос был мягким, тихим, детским.

Мальчик напротив взглянул на окно и впервые заговорил, его голос не был таким мягким, как у Тао Хуайнаня:

— Нет.

Тао Хуайнань открыл рот, произнес:

— А...

Он сидел, опустив голову, не двигаясь, губы были сжаты, а пальцы слегка царапали поверхность кана.

Снаружи не было ни звука, и через некоторое время Тао Хуайнань снова заговорил:

— Найди мне бутылку...

Он моргнул своими пустыми глазами, и на этот раз в его голосе слышались слёзы:

— ...Я хочу писать.

Быть слепым — это так беспомощно, даже восьмилетний мальчик не может справиться сам, если рядом никого нет.

Мальчик напротив тоже моргнул, затем поднял свои всегда опущенные веки, осмотрелся, поднял полу занавески и вышел в соседнюю комнату.

Когда он вернулся, в руках у него была миска для еды, немного больше обычной, которую Тао Сяодун иногда использовал, чтобы накладывать ему еду. Алюминиевая миска стукнулась о деревянный край кана, он подтолкнул её вперёд, засучив рукава, которые были слишком длинными, а затем вернулся к стене, где стоял раньше.

Тао Хуайнань потянулся вперёд, нащупал холодную круглую миску. Он никогда не использовал её для этого, но не стал колебаться, терпеть уже не было сил.

Через некоторое время, поправив штаны, он осторожно подтолкнул миску вперёд, голос стал ещё тише:

— Вылей это...

Бетонный пол был неровным, мальчик в своих не по размеру валенках, шаркающих по полу, издавал отчётливый звук. Тао Хуайнань услышал, как он подходит, затем как открывает дверь и выходит, потом снова звук двери, алюминиевая миска с грохотом упала на край плиты в соседней комнате. Когда звук валенок, скользящих по бетону, снова приблизился, Тао Хуайнань, чувствуя облегчение, улыбнулся в направлении стены с лёгким смущением.

Взрослых не было дома, и двое детей тайком сделали что-то плохое: использовали миску для

еды, чтобы справить нужду.

После этого Тао Хуайнань почувствовал стыд, он всё ещё царапал поверхность кана, не поднимая головы, тихонько пробормотал:

— ...Давай не будем рассказывать?

Тао Сяодун вернулся только к полудню, после похорон нужно было накрыть стол для деревенских соседей, которые помогали. Он принёс еду и для них, зайдя в дом, сразу спросил Тао Хуайнаня:

— Терпел?

Тао Хуайнань промолчал, взглянул в сторону стены, хотя ничего не видел.

Тао Сяодун, как обычно, наложил еды мальчику. Когда он поднёс алюминиевую миску, тот долго смотрел на неё, не беря.

Он не поднимал лица, Тао Сяодун тоже не стал настаивать, поставил миску на шкаф рядом с ним и сказал:

— Ешь сам.

Мальчик заложил руки за спину, прислонился к стене, покачиваясь, и не стал есть.

Тао Сяодун отнёс Тао Хуайнаня в соседнюю комнату, чтобы он пописал в ведро для грязной воды, затем вернулся и накормил его.

У стены было тихо, не было слышно звуков еды. Тао Хуайнань съел половину и сказал, что наелся. Тао Сяодун вытер ему рот и велел поспать.

Сказав это, он взял миску и собирался выйти, но Тао Хуайнань остановил его, позвав:

— Брат.

Тао Сяодун обернулся:

— Что?

Тао Хуайнань похлопал по месту рядом с собой:

— Я не наелся, съем позже.

— Остынет, и ты будешь есть?

Тао Хуайнань запинаясь сказал:

— Просто оставь... Я съем позже.

Тао Сяодун не позволил бы ему есть холодное, но не стал возражать, просто поставил миску в сторону и вышел умыться.

Все эти дни Тао Сяодун не высыпался, ночью ему приходилось дежурить на улице, он очень устал. Когда прах наконец был предан земле, Тао Сяодун расслабился, вернулся и быстро

уснул.

Брат тихо похрапывал, Тао Хуайнань знал, что он очень устал.

Он поманил к себе в сторону стены, тихо сказал:

— Подойди.

Не услышав ответа, Тао Хуайнань моргнул своими большими глазами и спросил в ту сторону:

— Ты здесь?

Через некоторое время раздался звук валенок, шаги остановились перед ним. Тао Хуайнань слегка наклонился вперёд и шёпотом сказал:

— Съешь мою еду.

Он использовал его миску для своих нужд, лишив его еды. Тао Хуайнань, как бы в компенсацию, подтолкнул свою миску:

— Она ещё не остыла.

Мальчик посмотрел на маленького слепого, сидящего на кане, затем на миску. В конце концов, он был всего лишь семи-восьмилетним ребёнком, и взял ложку Тао Хуайнаня, чтобы поесть.

Этот случай сделал так, что Тао Хуайнань больше не чувствовал неловкости, находясь в одной комнате с этим мальчиком.

Тао Сяодун заметил, что дети иногда разговаривают, стоя на небольшом расстоянии, обсуждая что-то детское.

За окном висела длинная сосулька, подтаявшая на солнце, она не выдержала и упала, часть ударилась о подоконник, другая отскочила и стукнула в окно.

Звук удара по стеклу неожиданно напугал Тао Хуайнаня. Когда он пугался, он всегда слегка открывал рот и широко раскрывал глаза.

Тао Сяодун в соседней комнате обсуждал что-то по поводу старого дома, приподнял занавеску, чтобы посмотреть, и уже собирался зайти, чтобы обнять его, как услышал, как Тао Хуайнань тихо спросил:

— Что это?

Мальчик услышал его вопрос, посмотрел на него, прислонившись к стене, и сказал:

— Лёд.

Тао Хуайнань никогда не видел такого, то, что он мог видеть в детстве до того, как ослеп, он уже забыл. Он подумал, что кто-то бросил лёд в стекло, и сидел в напряжении.

Через некоторое время Тао Хуайнань снова тихо спросил:

— Какой лёд?

Мальчик, положив руки за спину, прислонился к стене, долго не мог объяснить, возможно, не знал, как описать это слепому. Простояв так некоторое время, он внезапно развернулся, поднял занавеску и выбежал.

Тао Хуайнань повернул лицо в сторону соседней комнаты, с лёгким недоумением.

Тао Сяодун увидел, как мальчик выбежал из комнаты, а через несколько минут снова вбежал через дверь. В руках он держал длинную сосульку.

<http://bllate.org/book/16228/1457979>